

Ожидалось, что выход на пенсию станет благословением для Эммы и меня. Скрамным по шкале учительских пенсий, но все же вполне терпимым, если я продолжу заниматься репетиторством на стороне для отстающих учеников. Большую часть своей учительской жизни я занималась репетиторством после уроков и летом по просьбе расстроенных родителей. Казалось, я был магнитом для неуспевающих проказников и некоторых случайных болванов, которые, по мнению родителей, могли бы стать врачами или юристами. В 89 процентах случаев родители были абсолютно неправы. Дети просто хотели вырваться из-под контроля взрослых и делать все, что им вздумается, в момент жизни без ответственности. Жаль, что в Америке у них не было такого места, как Саммерхилл А.С. Нила, частное учебное заведение в Англии, работающее на основе того, что ученики лучше всего учатся, когда у них есть желание это делать; их не заставляют это делать. Ближайшим выбором для них, по крайней мере, здесь, был Баррингтонский центр передовых знаний - мое старое место работы.

Когда мои студенты со временем "повзрослели", процентное соотношение стало примерно пятьдесят на пятьдесят в отношении того, что они стали ответственными взрослыми, хотя все еще не докторами или адвокатами. Так устроена жизнь, если вы еще не поняли. Это как математическое уравнение: оно должно балансировать по обе стороны от знака равенства. Мы с Эммой тоже были похожи на уравнение. Мы оба должны были жить в гармонии, стареть вместе и уйти из жизни в одном и том же возрасте; во сне, уравновешивая друг друга.

Но Эмма... она нарушила уравнение и ушла во сне через год после того, как я вышел на пенсию. Прошло уже пять лет, а я все еще скучаю по Эмме, как будто это было вчера. Когда я ежедневно ходил к почтовому ящику, чтобы проверить, нет ли там нежелательной почты, я всегда оглядывался на дверь, и я все еще надеюсь увидеть ее там сегодня. Она с нетерпением ждала, что я принесу ей ежедневную награду - наклейки с обратным адресом, на которые она так исправно делала свои благотворительные пожертвования. Отчасти из чувства вины, я все еще отправляю пожертвования с ее именем, как будто она все еще стоит у двери и ждет эти проклятые наклейки. Одному Богу известно, что я буду делать с десятью тысячами наклеек с обратным адресом, сложенными в коробки в углу гаража.

Стоя у почтового ящика и перебирая очередную стопку, я услышал мелодичный ангельский голос, произнесший мое имя: "Доктор фон Гете?". Это не был голос Клары, пожилой дамы из соседнего дома. Ее голос был более надтреснутым от возраста, чем мой. Это был живой, молодой голос и, очевидно, кого-то, кто знал меня. Это было неожиданно приятно в этом квартале старожиллов.

Повернувшись на голос, я увидел молодую, по-летнему бронзовую девушку, которая стояла и смотрела на меня, пытаясь решить, правильно ли она угадала. Она была похожа на Дейзи Дюк, только что сбежавшую из телешоу "Герцоги Хазарда"; в основном раздетая, в скупом, едва ли законном, халтер-топе и рваных джинсовых шортах с карманами, свисающими ниже промежности - как раз там, где штанины были "профессионально" изношены. Длина шорт даже не могла прикрыть изгибы ее задницы и, должно быть, перекрывала кровообращение в талии и ногах. Если бы она была машиной, она бы даже не выглядела легально на улице - но, возможно, выглядела бы, если бы стояла на углу темной, грязной улицы в центре города в два часа ночи.

"Это я, мисс", - подтвердил я, кивнув и вежливо улыбнувшись. Это был тот ответ, который вы бы дали любому, кого вы нашли, бродящим по вашему району, который, казалось, потерялся и

тащит за собой поводок. Если бы мне было лет двадцать, я бы непременно нагнулась, чтобы схватить ее за макушку и дружески похлопать по ...

В наступившей тишине раздался ее голос: "Это я! Холли. Холли Пикет. Девятый класс?"

"Мисс Пикет?" размышляла я вслух. Мое сознание, словно ролодекс, прокрутило пять лет назад, к алгебре девятого класса.

"Девочка, которую я учил по имени мисс Пикет, была невысокого роста, носила косички и брекететы - так что нет, вы не мисс Пикет, должно быть, какая-то самозванка". Я усмехнулся, когда образы тех дней проявились в моей голове: "Итак, мисс Холли Пикет, вы когда-нибудь выясняли, где пройдут эти два поезда, идущие в противоположных направлениях, если поезд А едет со скоростью 50 миль в час, а поезд Б - 75 миль в час?"

Ее лицо, яркое, как улыбка на солнце, озарилось той же пронизательностью, что и пять лет назад. "Нет. Но я помню, что вы допустили ошибку при оценке моей работы, доктор фон Гете".

"Я сделал?"

"Да, - ответила она, - этот вопрос стоил пятнадцать баллов. Вы сняли пятнадцать баллов, но дали мне двадцать пять баллов за ответ, который я написал вместо этого: "Я не думаю, что для людей в поездах имеет значение, где они проезжают друг мимо друга, лишь бы они были на разных путях - это все, что их волнует!". Итак, вы дали мне больше баллов, чем стоил вопрос. Это помогло мне остаться в списке отличников в том семестре. Мне просто нужны были эти дополнительные баллы, чтобы сделать это. Но я думаю, вы это уже знали".

"Может быть, может быть, нет, мисс Пикет".

ответил я, вспоминая день последнего экзамена в этом году и наблюдая, как она ерзает, хмурится и грызет головку карандаша, пытаюсь справиться с тестом. К концу теста она была вся в белых мурашках и на грани слез. Мисс Пикет была милым ребенком, всегда помогала и была добра к другим, но она была очень незрелой. В то время я считала, что людей нужно судить по их поступкам, а не по оценкам в примитивном тесте. Поэтому, да, я подделал ей оценку - никто не умер от этого, и, конечно, ее родители были счастливы, что она стала отличницей по итогам года.

"Ты потерялась?" спросил я, когда мы стояли и смотрели друг на друга без особой цели. Я старался не казаться таким заинтересованным, как сладострастная восемнадцатилетняя девушка, судорожно пытавшаяся стянуть ткань размером с почтовую марку, чтобы прикрыть выпирающий сосок.

"Нет, сэр. Просто помогаю мисс Кларе", - ответила она, заглядывая в почтовый ящик Клары.

Достав почту, Холли прижала ее к груди, возможно, чтобы прикрыть вырвавшийся вперед сосок. А затем добавила: "В этом году я учусь на медсестру в младшем колледже Адкинса и посещаю мисс Клару! Мы получили первые задания для домашнего обучения! Я должна три раза в неделю встречаться с пожилыми людьми и учиться проверять кровяное давление и тому подобное, ну, знаешь, температуру, тест на остроту ума - что бы это ни было".

"Я уверен, что у вас все получится, мисс Пикет", - кивнул я, когда она улыбнулась и пируэтом направилась к подъезду Клары.

Каждая нежная щечка ее задней части, казалось, поочередно махала мне в ответ, когда одна длинная стройная нога вытягивалась и проходила мимо другой, сгибая ягодичы. Затем, неожиданно, ее голова повернулась. Прядь распустила длинные волнистые волосы, выбеленные солнцем, прямо как в телевизионной рекламе. Казалось, что пряди кружатся в замедленной съемке. Наши глаза встретились, когда она остановилась. Поймав ее взгляд, я понял, что она знала, что мой взгляд следовал за ней по тротуару, вместо того чтобы направить его на мою собственную дорожку. Понимала ли она, что мое внимание было приковано к ее круглой заднице? Ее губы сжались, а затем снова растянулись в яркую солнечную улыбку, когда она заговорила.

"Я могла бы зайти к вам домой и проверить ваши жизненные показатели, доктор фон Гете. Может быть, мой преподаватель даст мне дополнительный зачет. Вы не против?" В ее улыбке, интонации и позе, казалось, чувствовалась некая жеманность, чуть ли не... это была фраза "придирайся"?

"Конечно. Звучит неплохо. Увидимся минут через двадцать?" Сухость во рту не была похожа на вату, она была похожа на саму вату! Я поспешила в дом, чувствуя, как учащается сердцебиение и нарастает тревога.

Бросив почту на кухонный стол, я убрала крошки от обеда, которые еще оставались, и вытерла пятно горчицы у держателя для салфеток. В общем, все выглядит вполне презентабельно. Спустя пять лет мне все еще удавалось сохранять подобие синдрома опрятности Эммы, хотя в настоящее время это выглядит так, как и подобает жилищу вдовца. Ничего не изменилось с тех пор, как она его содержала... ну, со времени похорон. Глядя на ее портрет на камине, я пробормотал: "Надеюсь, ты не читаешь мои мысли сейчас, сладкая, от этого у тебя, наверное, покраснели бы щеки, когда ты подслушиваешь мои мысли".

Настенные часы остановились, или так показалось. Я сверил с ними время на плите, но они показывали одинаково; возможно, часы на плите тоже остановились? Но, скорее всего, мне показалось, что время остановилось. Вот - оно переместилось на минуту вперед. Проклятые часы! Двадцать минут теперь, казалось, двигались со скоростью часа. Если оно вообще двигалось - квантовая механика во Вселенной, несомненно, работает.

Легкий стук в дверь мгновенно поднял меня на ноги, и я уже была там, когда эхо разнеслось по тротуару. "Добро пожаловать, мисс Холли. Входите", - сказал я, толкая дверь, чтобы она могла пройти. Знаете, между двумя людьми, стоящими в дверном проеме, не так уж много места, когда один проскальзывает мимо другого. Особенно если один из них с рюкзаком на спине, а

впереди торчит пара дынь внушительных размеров. Похоже, она не возражала против того, что они обе сгреблись на моей груди, когда она проскользнула мимо меня в фойе. Они были мягкими, но в то же время упругими.

Закрыв за ней дверь, я направился на кухню. Положив рюкзак на стол, она спросила: "Вы хотите, чтобы я просто измерила вам давление или провела полный курс лечения, доктор фон Гете?".

"Давайте по полной программе, мисс Холли!" усмехнулся я, думая о том, что она могла назвать "полным лечением".

По тому, как засветилось ее лицо, я понял, что она довольна моим ответом. Когда я выдвинул стул и сел рядом с ней, она шагнула ко мне и склонилась над моими коленями, чтобы взять свой рюкзак. Грудь снова оказалась рядом с моим носом, но я слишком медленно отстранился и не смог избежать того, что кончики едва прикрытых сосков коснулись моих губ. Она почувствовала прикосновение и, посмотрев вниз, скромно улыбнулась.

"Извините", - оправдывалась она, но это не помешало ей наклониться еще чуть-чуть, чтобы взять сумку. Прикосновение ее тела было приятным, как и аромат лаванды, проникающий в мои ноздри.

Она быстро достала из сумки манжету для измерения артериального давления и стетоскоп. Обернув стетоскоп вокруг шеи, она поместила один конец в опасной близости от левого соска, а наушники умудрились обернуться вокруг ее почти обнаженной правой груди, как будто они были близкими друзьями на третьем свидании.

Ведя светскую беседу, она начала: "Я помню, как увидела ваше имя на двери вашей аудитории в первый день, когда пришла в Баррингтонский центр передовых знаний. Я проходила мимо него каждый день и читала его каждый раз, когда проходила мимо вашей комнаты. Мне нравилось магическое звучание вашего имени "Доктор Иоганн Вольфганг фон Гете", и я надеялся, что однажды окажусь в вашем классе, но на это ушел год".

"Однажды я пошла в кабинет медсестры в школе, - говорила она, роясь в сумке в поисках блокнота и карандаша, - когда мне стало нехорошо. После того как медсестра осмотрела меня и сказала, что у меня небольшая температура, я помню, как спросила ее, когда ко мне придет врач. Она посмотрела на меня как на сумасшедшего, а потом сказала, что у нас в школе нет врача.

"А как же доктор фон Гете? Я помню, что проболтался, думая, что вы - доктор, который приходит, если кто-то болен". Тогда она начала хихикать. Когда она наконец перестала, она сказала мне, что вы не настоящий врач, а доктор литературы. Тогда я узнала, что не все врачи одинаковы. Очень глупо, да?" - спросила она, сделав паузу в ожидании моего ответа.

"Совсем не глупая, мисс Холли. Большинство школьников знают только об одном виде врачей и не имеют опыта общения с другими. Так что это не было глупостью, просто недостаток знаний,

вот и все. Вы почувствовали себя глупой?"

"Тогда да. Тогда я был влюблен в тебя, так что да, я чувствовал себя немного глупо. Так вот как вы воспринимали нас в девятом классе - как детей, доктор?" - спросила она сквозь сжатые губы.

"Мы все считали вас детьми - пока вы ими не стали. Точное время, когда это происходит, у всех разное. Некоторые созревают раньше, и я имею в виду не только физическое, но и взрослое мышление. Другим может быть двадцать, и они остаются детьми до бесконечности!"

"Я думаю, что к десятому классу я достигла уровня взрослого мышления, но я все еще продолжала читать ваше имя, когда проходила мимо вашей комнаты и заглядывала в нее, чтобы увидеть вас за столом", - казалось, она разговаривала сама с собой, пока накладывала манжету на мою руку, затем сняла стетоскоп с шеи и вставила его в уши.

Она сосредоточилась на процедурах, тщательно регулируя давление манжеты и слушая через стетоскоп, а я сосредоточился на круглых шариках в дюймах от моих губ, моих очень сухих губ. "Ваше давление 165 на 90, а пульс 93", - объявила она. "Вам это кажется правильным, доктор фон Гете?" - спросила она.

"Вероятно, да", - ответил я, - "Мои обычные показатели - 135 на 70, так что ваши показатели немного высоковаты. Возможно, я... недостаточно долго сидел, прежде чем вы сняли показания".

"Да, возможно. Хотя может быть и так, что вы просто влюблены в меня, не так ли?". Ее кривая ухмылка, казалось, говорила о том, что она может читать мысли, а также язык тела, когда она наклонилась ко мне, чтобы положить свои вещи в сумку. Ее глаза, казалось, еще дольше прижимались к моим губам, когда я почувствовал, как ее соски затвердели под крошечным клочком ткани, который едва сдерживал их в этот момент.

"Может быть, мисс Холли, может быть". прошептал я в ее щель.

Все еще наклоняясь, чтобы убрать свои вещи, она прошептала в ответ, когда ее сосок плотнее прижался к моим губам: "Я уже не ребенок, доктор Иоганн Вольфганг фон Гете. И мне нужно изучить очень много медицинских вещей, прежде чем я получу диплом врача. Так не хотите ли вы стать моим наставником, док?". Теперь она точно специально наклонялась ближе. Естественно, мой язык потянулся, чтобы обвести набухший сосок, упирающийся в кусок ткани размером с почтовую марку, мешающий прямому контакту.

"Возможно, я мог бы немного поучить мисс Холли Пикет, но сначала нам придется провести устный экзамен, чтобы понять, как много вы уже знаете. Мы же не хотим оставить пробел в вашем образовании, не так ли?".

"Нет, доктор, мы не хотим, чтобы это произошло", - сладко ответила мисс Пикет, пока она была

занята ослаблением узла, скреплявшего ее халтер. Она позволила ему выскользнуть между моими губами и ее обнаженными, покрытыми ластиком сосками. Именно там я начал свой осмотр. Именно там ее первый стон "О, профессор!" вырвался из ее губ, когда ее стройное бронзовое тело дернулось, пока я пощипывал ее второй сосок. Я не мог не заметить, что летний загар покрывал весь ее торс; нигде на верхней части ее туловища не было видно ни одной бретельки от бикини. Нудистка?

Признаться, было несколько случаев, когда я чувствовал тепло чужого женского тела в своих объятиях после Эммы, но ни один из них не был таким молодым или жаждущим, как тот, что прижимался к моему лицу в данный момент. Не та, которая хотела, чтобы ее учили. Не та, что чувственно открыта и полна желания.

Мисс Холли Пикет сжала меня крепче, и я почувствовал, как ее сердце бьется в моих губах, когда ее дыхание стало глубже. Ощущение прижимающихся ко мне ее налитых сосков было таким теплым и мягким, когда мои губы нащупывали упругие бутоны и перекачивали каждый из них языком. Всплеск электричества по нервным окончаниям передался к ее пальцам, и она крепче прижала мою голову к своим грудям, пока я наслаждался ими. Затем, в какой-то момент водоворота, мы остановились, прижавшись друг к другу без единого слова. Крепкие прикосновения моих зубов к ее соскам сменились нежными поцелуями. Торопливый выход воздуха из ее легких немного замедлился. Мы вошли в тихий глазок урагана, так сказать, пока мы катались на первой волне вождения, охватившей нас на несколько мгновений.

"Вы уверены, мисс Холли?" прошептал я между ее грудей, медленно проводя языком по периметру одной сочной груди.

"Разве медведи трахаются в лесу, профессор?" - сумела ответить она хрипловатым, обветренным тоном, подталкивая мою голову к другой груди.

"Да, Холли, я уверен, что да!" Я смеялся вслух, пытаюсь ослабить эти проклятые обтягивающие задницу джинсовые шорты, пока она тоже не начала смеяться. Наконец помощь пришла, когда, вдыхая и задерживая дыхание, я смог расстегнуть пуговицу. Молния поддалась легче, и через несколько резких рывков она освободилась от них. Естественный загар на всем теле, заметил я, и, похоже, лазерные процедуры оставили гладкий и аппетитно выглядящий персик для исследования. Определенно нудистка, заключил я!

Мы провели этот день в поту, постоянно доводя друг друга до новых сексуальных высот. Мои губы прослеживали контуры ее половых органов, пока она не смогла выдержать изысканные толчки моего языка, проникающего как можно глубже в ее киску. Не в силах сдерживаться, Холли потянула меня вверх из своей пизды, пока мой член не вошел в ее набухшую щель.

С общими стонами мы трахали друг друга, пока не рухнули на кровать в спальне для гостей. Я лежал рядом с ней, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, и задремал.

Прошел почти час, прежде чем я осознал, что ее тело лежит между моих раздвинутых ног. Ее губы и язык пытались вернуть к жизни мой вялый член. Каждый лиз и движение заставляли

мои веки трепетать, пока они не распахнулись, когда она прокладывала свой путь ниже моей мошонки и попала туда, куда не спускалась еще ни одна женщина. Когда мой член воспрял, она поднялась на колени и поползла по мне, пока мы не выровнялись. Я наблюдал, как напрягается ее лицо, когда она толкала себя к очередному сексуальному освобождению. Признаки были налицо: закрытые глаза, чтобы лучше насладиться ощущениями, задыхающиеся глотки воздуха и окончательное открытие рта, когда ее бедра прижались к моим. Она кончила с интенсивной серией спазматических движений, ее голова откинулась назад, как будто она смотрела в небо. Она скакала на моем члене, как ковбойша, пока он снова не стал безжизненным. Я был на грани изнеможения и готов был заплакать.

Чертовски жаль, что стареющее тело просто не позволяет идти в ногу с восемнадцатилетним женским телом, независимо от того, насколько желателен разум. Тело просто не в состоянии поддерживать такой темп. Однако молодое тело мисс Пикет все еще было готово к большему. Поэтому она предприняла третью попытку снова оживить мой бедный член, но сколько бы она ни гладила его, ни массировала, ни поклонялась ему языком, ни уговаривала его своим эротическим лексиконом, он просто не реагировал. Но ей нельзя было отказать.

"Похоже, вашему солдату нужно больше отдыхать, док, но мне все еще нужен хотя бы еще один оргазм. И поскольку я скоро вернусь домой, думаю, мне придется довольствоваться тем, что я буду сидеть на твоём лице и скакать на твоём языке, чтобы кончить. Моя мама называет это "бедным мужским заменителем члена", но мне это очень нравится".

"Холли, мне это тоже очень нравится!"

С этими словами она, как щенок, поползла по моему телу и закружилась, прижимая колени к моим плечам и приглашая мой язык выйти и поиграть с ней. Она раскачивалась и перекачивалась, ее тело волнообразно, как волны, несущие маленькую лодку в море. Мои пальцы тянулись вверх, пощипывали ее соски и находили способы погладить ее клитор, усиливая удовольствие. Ее нектар стекал по обеим сторонам моего лица, растекаясь по подбородку, пока не стекал на простыни, напоминая утреннюю слюну. Наконец она успокоилась - измученная до предела.

<http://erolate.com/book/1808/52025>